

Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности

English version: [Leontiev D.A. The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality.](#)

Высшая школа экономики, Москва, Россия

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В статье содержится теоретический анализ неопределенности как основополагающей характеристики современного мира, тех психологических следствий, которые порождает вызов неопределенности, и индивидуальных стратегий отношения к нему. Показано, что выдвигание неопределенности на первый план порождает в обществе проблемы с пониманием природы научного знания, образа человека и самоопределения по отношению к ценностям. Разрешение этих проблем оказывается возможным в русле экзистенциальной картины мира, основанной на признании неопределенности фундаментальным условием бытия. Признание неопределенности и толерантность к ней выступает условием и признаком психологической зрелости и здоровья.

Ключевые слова: неопределенность, неизвестность, детерминизм, вызов сложности, экзистенциальная психология, постмодернизм, толерантность к неопределенности, экзистенциальная дилемма, выбор

Но только тот, кто готов ко всему, даже самому загадочному, сможет утвердить живое отношение к другому человеку и исчерпать все возможности своего существования.

Р.М. Рильке

Говоря о специфических особенностях нашего времени, а также о прогнозируемой специфике 21 века в целом, все чаще называют растущую и расширяющуюся неопределенность, затрагивающую все аспекты сегодняшней жизни «изменяющейся личности в изменяющемся мире» [Асмолов, 2001]. Это относится не только к психологии, но и к наукам о человеке вообще, и связывается, в первую очередь, с ускорением развития человечества. «Неопределенность является определяющим элементом культуры. Условием для создания человеком какого-либо продукта деятельности, в том числе и творческой... Неопределенность является неотъемлемым условием свободной, продуктивной и счастливой жизни человека» [Вульф, 2013, с. 6]. К российской цивилизации это относится, возможно, больше, чем к любой другой [Осипов, 2013].

Целью данной статьи является рассмотрение тех следствий, которые вытекают из этого для сегодняшней психологии, прежде всего для психологии личности.

В.П.Зинченко [Зинченко, 2007] и Т.В.Корнилова [Корнилова и др., 2010] не без оснований говорят о *принципе неопределенности*, который стал в нашем столетии не менее значим, чем принцип детерминизма. «Неопределенность при этом выступает тем «полем» взаимодействий, на котором разворачивается активность человека, отвечающего вызовам как конкретной ситуации, так и, в более широком контексте, собственной судьбы» [Корнилова и др., 2010, с. 9]. Менее очевидна необходимость выделения *психологии неопределенности* в отдельную область психологии [Корнилова и др., 2010, с. 8], как раз потому, что эта проблема настолько значима, что пронизывает собой всю психологию. В психологии личности она выступает, в частности, как *вызов неопределенности* – объективная характеристика человеческой жизни, к которой возможно разное отношение. В данной

статье мы рассмотрим проблему неопределенности именно под этим углом зрения – каковы психологические предпосылки и следствия различного отношения к проблеме неопределенности.

Вызов неопределенности в современном мире

На протяжении XX века мы наблюдаем в науках о человеке разные проявления движения в направлении от понимания мира как прочного, стойкого, предсказуемого, управляемого и детерминированного к пониманию его как в большей своей части неуправляемого, недетерминированного, непредсказуемого, неоднозначного. Это проявляется по меньшей мере в трех ключевых областях: *изменение образа человека, изменение образа науки и изменение статуса ценностей* [Леонтьев, 2007].

Во-первых, XX век дискредитировал все ранее существовавшие образы человека. Хорош человек по своей природе или плох (свокорыстен, эгоцентричен и не заслуживает доверия)? Эти два образа человека конфликтовали в культуре последние 500 лет, но XX век показал, что ни тот, ни другой образ не выдерживает проверку реальностью. Как начали понимать наиболее глубокие мыслители, природа человека заключается в том, что у него нет никакой фиксированной природы [Фромм, 1992; Фромм, Хирау, 1990], сущность его – возможность развиваться в любом выбранном направлении. Проблема оказалась перевернута. Единственное, что можно сказать про человека: он очень разный, он не равен самому себе и тем более не равен своему ближнему, он выходит за пределы заданного, и суть его – в трансценденции [Giorgi, 1992], с той оговоркой, что и эту возможность конкретный человек может не осуществлять.

Во-вторых, как показывает выдающийся методолог естествознания Илья Пригожин [Пригожин, 1991], на протяжении XX века в корне изменился образ науки. Раньше считалось, что наука описывает стабильные, детерминированные процессы. Однако чем больше наука познавала природу, тем дальше от реальности оказывалась эта картина. Пригожин получил Нобелевскую премию за открытие в неорганической природе особого рода процессов, которые он назвал «бифуркационные процессы» (см. [Пригожин, Стенгерс, 1986]). Это процессы не детерминированные полностью, в них возникают точки разрыва детерминации, где процесс может принять разные направления, и конкретное направление, которое процесс примет, ничем не определено. Всеобщая и полная детерминированность материального мира и человеческого поведения оказывается иллюзией. Более того, только в неравновесных системах, описываемых нелинейными уравнениями, имеющих более одного решения, могут возникнуть уникальные, индивидуальные события, с чем имеет место любой психотерапевт и клинический психолог. И именно в таких неравновесных системах, как писал Пригожин, возможно и расширение масштабов самой этой системы, т.е. изменение её отношения к внешнему миру, к внешней среде системы. Другими словами, только в таких системах может происходить подлинное развитие.

Наконец, *в-третьих*, картину мира, существовавшую тысячелетия и выводившую все вопросы этики и практической философии из исторически сложившихся в данной культуре незыблемых ценностных оснований, которые предстают как самоочевидные, сменила постмодернистская картина мира. Постмодернизм, возникший в XX веке, философски корректно доказал, что объективных оснований у всех этих ценностных систем нет, если не считать истории их принятия на определенной территории. Однако постмодернизм не предложил никакой содержательной альтернативы утверждению полной относительности всех ценностных критериев, следствием чего выступает нарушение регуляции социальной жизни согласно известной формуле: если Бога нет, то все дозволено. Единственный выход из этого тупика обнаруживается через создание личностью внутренней структуры и принятие ответственности за основания своего поведения, самостоятельную выработку субъективных критериев в отсутствие каких-либо объективных внешних оснований для этого [Тульчинский, 2001]. Это экзистенциальный путь, который нелегок, но безальтернативен.

С проблемой неопределенности в полной мере столкнулись те поколения россиян, чье формирование пришлось на советские времена, ведь главной их характеристикой была полная определенность, «уверенность в завтрашнем дне». Когда Советский Союз распался, стали возникать разнообразные социально-психологические явления, связанные с нарушением определенности и отсутствием привычки к непредсказуемости жизни. Например, в 1990-е годы нарушился естественный механизм передачи опыта от поколения к поколению, от старших к младшим, потому что опыт старшего

поколения внезапно оказался неработающим в резко изменившихся условиях, а дети-подростки гораздо быстрее усваивали новые «правила игры» в неопределенности, в которой ничего не было гарантировано, быстрее и успешнее адаптировались к изменившейся и усложнившейся реальности и стали учить старших, как жить, помогать им адаптироваться и понимать, что происходит. Еще одно проявление того же стремления к определенности заключалось в том, что 17 млн. членов КПСС, насчитывавшихся в последние годы Советского союза, внезапно куда-то подевались, однако обнаружилось еще большее число православных. Социологи видят в этом переключение на другую систему идеологических ориентиров: они могут быть заменены, главное, чтобы люди чувствовали себя спокойно, уверенно. *Потребность людей в определенности картины мира сильнее, чем потребность в истинности этой картины или хотя бы в ее правдоподобии.* Известно, что во времена социальных катаклизмов, смут и неопределенности резко вырастают обороты индустрии гадалок, астрологов, эзотериков и прочих торговцев определенностью, однозначностью и знанием будущего.

Таким образом, неопределенность является главной, неотъемлемой характеристикой жизни в нашем мире. В нем очень много неопределенности, и она абсолютна, а отрезки определенности – относительны. Это, конечно, напрягает, настораживает, беспокоит и вызывает к жизни стремление защититься от неопределенности. Гераклиту приписывают фразу: «Берегись, чтобы не стало сомненное несомненным». Из этого стремления вытекает много важных психологических следствий, влияющих на деятельность выбора.

Проблема взаимодействия с неопределенностью

Прежде всего необходимо понять природу неопределенности: она объективна или субъективна, характеризует саму жизнь или наше сознание? В.А.Кувакин и В.П.Ковалева [Кувакин, Ковалева, 2006], анализируя природу неизвестности, называют ее третьей действительностью, наряду с бытием и ничто. Думается, что таким третьим онтологическим состоянием скорее может выступать именно неопределенность, потому что неизвестность – это не онтологическая, а гносеологическая характеристика, нечто может быть вполне определенным в своих законах и следствиях, но по тем или иным причинам неизвестным субъекту. Более того, одно и то же явление может быть известно одному субъекту и неизвестно другому, тогда как характеристика явления как определенного или неопределенного не допускает вариаций, зависящих от ракурса рассмотрения. Поэтому важно не смешивать неизвестность и неопределенность. Говоря про неопределенность, мы тем самым имеем в виду нечто объективно неопределенное, связанное с мироустройством, а не с ограниченностью нашего познания. Говоря об объективном, мы имеем в виду только то, что речь идет об устройстве мира вне зависимости от того, насколько мы хорошо в этом устройстве разбираемся.

Развитие в онтогенезе закономерно начинается с того, что необходимо усвоить достаточно ясную картину мира. Мы должны научиться реальности, понять, в каком мире мы живем, и для этого ребенку нужна как можно более четкая определенность: что на самом деле есть. Это четко видно в структуре сказок, а именно на них и вырастают дети. В сказках все однозначно. В сказках добро и зло четко разведены. Одни свои – другие чужие, добро побеждает, зло отступает – в фольклоре и в детских книгах эта картина максимально однозначна. Литература для более старших читателей начинает включать в себя полутона и неоднозначность. Во взрослой литературе все максимально неоднозначно, зыбко, все основано на игре смыслов, на переливах, на неясности. Правда, существует еще (и в последнее время выдвигается на передний план) особая детская литература для взрослых, у которых сохраняется детская, простая, однозначная картина мира и потребность в схематизмах: справа наши, слева не наши, все остальное – от лукавого; справа хорошее, слева плохое.

Массовая культура полностью поддерживает эту упрощенную, однозначную картину мира, и огромное количество художественной продукции представляет собой варианты такой «сказочной» литературы: боевики для больших мальчиков, любовные романы для больших девочек. По структуре они воспроизводят детскую литературу: никакой неопределенности и неоднозначности, никакой непредсказуемости, сделать все максимально узнаваемым, для того чтобы люди продолжали верить в свою простую и надежную картину мира.

Здесь речь идет о проблеме, которую М.Чиксентмихайи назвал «вызов сложности» современного мира [Csikszentmihalyi, 2006]. Он связан с тем, что мир становится все сложнее и сложнее с каждым

годом, что ставит перед индивидом проблему, как с такой сложностью справиться, что с этим делать. Вызов сложности можно принять, а можно отвергнуть, уйти от него. Принимая вызов сложности, человек сам старается усложниться, продолжая развиваться всю свою жизнь. *В современном мире есть много возможностей развиваться до глубокой старости и смерти, не останавливаясь в этом процессе, но также много возможностей НЕ развиваться, остановиться максимум после достижения совершеннолетия и забыть про дальнейшее усложнение и развитие под лозунгом «не грузиться, не париться», навсегда замереть в состоянии блаженного покоя.* Это два противоположных способа реагирования на вызов сложности современного мира, который содержит достаточно возможностей и для одной, и для другой стратегии. Поэтому личностное развитие после достижения совершеннолетия – процесс необязательный, факультативный [Леонтьев, 2013].

Усложнение современного мира действительно вызывает большое напряжение, неприятные, беспокоящие чувства. Философ и культуролог Михаил Эпштейн, анализируя данную проблему в статье «Информационный взрыв и травма постмодерна», писал, что мир не просто усложняется; усложнение мира настолько ускоряется, что отдельно взятый человек уже не в состоянии за ним угнаться, усвоить общечеловеческий опыт, который растет все быстрее. Разрыв между совокупным опытом всего человечества и индивидуальным опытом каждого отдельного человека, писал Эпштейн, увеличивается по экспоненте. Это часто вызывает у современных людей переживания, напоминающие симптоматику посттравматического стрессового расстройства; Эпштейн называет подобное расстройство «травма постмодерна» [Эпштейн, 2005, с. 45-51]. Не случайно в образовании на передний план выступают идеи вариативного образования [Асмолов, 2012] и вероятностного образования [Лобок, 2001]. Мы не можем учить детей тому, как мир точно, однозначно устроен, за пределами естественных наук. Важнее готовить их к тому, чтобы жить в мире, где возможно разное. Человек, который готов к неопределенности, неизвестности, будет действовать иначе, чем человек, сориентированный на известность, определенность, ожидаемость.

Психологическая проблема отношения к неопределенности во многом коренится в том, что само понятие неопределенности трудно вписывается в картину мира большинства людей. Д.Канеман в своих исследованиях, удостоенных Нобелевской премии по экономике [Канеман и др., 2005], и Н.Талеб [Талеб, 2012] в своей книге «Черный лебедь», получившей всемирное признание, раскрыли многие механизмы упрощения нами картины реальности, в частности, сведения неопределенности к определенности, сомненного к несомненному, по Гераклиту. «Наш разум – превосходная объяснительная машина, которая способна найти смысл почти в чем угодно, истолковать любой феномен, но совершенно не в состоянии принять мысль о непредсказуемости» [Талеб, 2012, с. 41]. В другой своей книге он обосновывает значимость в современном мире психологической характеристики, которую он, за неимением более подходящего термина, называет «антихрупкость». Суть антихрупкости, ее уникальность «состоит в том, что она позволяет нам работать с неизвестностью, делать что-то в условиях, когда мы не понимаем, что именно делаем — и добиваться успеха» [Талеб, 2014, с. 20].

Виды неопределенности и психологические реакции на нее

В психологических исследованиях последних двух-трех десятилетий проблема неопределенности обсуждается достаточно регулярно и в разных контекстах, облекаясь в несколько схожие, но не совпадающие между собой термины, связанные с неоднозначностью, сложностью, неопределенностью, непредсказуемостью и так далее, в частности, «uncertainty», «ambiguity» и «indeterminacy». Эти понятия выражают разные аспекты неопределенности; были попытки соотносить их друг с другом (см., например, [Корнилова и др., 2010]). Все более важной переменной в исследованиях личности становится толерантность к неопределенности, для диагностики которой предложена не одна методика (см. обзоры [Гусев, 2011; Корнилова и др., 2010; Осин, 2010]).

Понятие «ambiguity» характеризует амбивалентность, двусмысленность, нарушение стереотипов. Возвращаясь к развитию литературных предпочтений от абсолютно определенных сказок к содержащей немало неопределенности взрослой литературе, можно продолжить этот вектор к абсурдистской литературе, с ее минимумом определенности и максимумом неопределенности. В недавнем исследовании, на основании модели сохранения смысла Т.Прул и К.Вос, которая предсказывает, что при угрозе смыслу включаются компенсаторные механизмы утверждения смысла

в других сферах, было показано, что при столкновении с абсурдистскими произведениями, нарушающими обычную смысловую логику, возникает повышенная потребность – что проявляется на последующих этапах эксперимента – утверждать смысл какими-то другими способами. Этого не происходит при воздействии реалистических или абстракционистских произведений [Proulx, Heine, Vohs, 2010]. Таким образом, амбивалентность ощущается как фрустрация стремления к смыслу.

Следующее понятие – «uncertainty» – неопределенность в строгом смысле слова. За понятиями «intolerance to uncertainty» и «intolerance to ambiguity», то есть интолерантность к неопределенности и интолерантность к двусмысленности, стоит много схожих проявлений, однако между ними есть и важные различия. В контексте познавательной активности вторая рассматривается как «толерантность к неясности, двусмысленности, многозначности стимулов, сложности их интерпретации», а первая – как «толерантность к неуверенности при недостаточной информированности» [Корнилова и др., 2010, с. 39]. Иное основание для их различия выделяют канадские психологи, сопоставлявшие их в основном в клиническом аспекте [Grenier, Barrette, Ladouceur, 2005]. Было показано, что о двусмысленности говорят, имея в виду восприятие того, что существует сейчас, в настоящем, а неопределенность характеризует будущее.

В анализе проблемы неопределенности на передний план выступают разные аспекты отношения к будущему. Будущее – это то, чего пока еще нет и не было, и мы не можем знать точно, будет ли, однако постоянно чего-то ожидаем, обычно с высокой степенью субъективной определенности. Тем не менее, всегда есть шанс, что наши ожидания нарушатся, они не обязаны оправдаться. Одним из главных компонентов многих невротических проблем являются излишне жесткие ожидания, чрезмерная степень субъективной определенности, которая превышает объективную предсказуемость. Будущее вообще непредсказуемо, способность знать будущее – атрибут бога, но никак не смертного человека. Конечно, с той или иной степенью уверенности можно что-то прогнозировать, ожидать, планировать, однако предсказуемость будущего, в том числе наших собственных действий, всегда, мягко говоря, неполная. Это вызывает у нас, смертных, большие проблемы, потому что мы не хотим примириться с непредсказуемостью будущего. Это закономерно порождает специфическую форму психологической защиты: уверенное знание того, что будет.

Признание, что будущее не определено, порождает тревогу, чувство неприятное, которое иметь не хочется, и лучше бы, чтобы его не было. Однако тревога – очень важное приобретение человека, это инструмент взаимодействия с будущим. Тревога показывает нам, что перед нами что-то, чего мы не можем предвидеть. Если мы не станем обращать внимание на сигналы тревоги, будем бороться с обычной, нормальной тревогой, пытаться вытеснять ее из жизни, то она все равно вернется, только еще в более разросшемся виде, и превратится в клиническую, патологическую тревогу [Мэй, 2001; Леонтьев, 2003].

В русле экзистенциальной философии и психологии тревога, вытекающая из непредсказуемости будущего, давно описана как неотъемлемый атрибут человеческого существования. Все люди смертны, мы не знаем, что будет дальше, знаем только, что непременно умрем, но не знаем, когда, где и при каких обстоятельствах. В результате непредсказуемости будущего возникает естественное человеческое переживание тревоги, которое из жизни не устранить. С тревогой не надо бороться, с ней надо примириться, вести диалог, включать ее в жизнь, потому что тревога помогает нам различать определенность и неопределенность, реальность и иллюзии.

Само определение экзистенциального мировоззрения наиболее точно было бы сформулировать, опираясь на идею неустранимой неопределенности. *Суть экзистенциального мировоззрения состоит в отношении к жизни как к тотальной неопределенности, единственным источником внесения в которую определенности выступает сам субъект, при условии, что он не считает свою картину мира априори истинной и вступает в диалог с миром и другими людьми для верификации этой картины.*

Различение неопределенного и определенного очень важно для языка. М.Н.Эпштейн [Эпштейн, 2004] в работе, посвященной анализу картины мира на основе частотных словарей, обратил внимание на то, что самым частотным словом в английском языке является – с большим отрывом – определенный артикль *the*, и во всех языках, в которых есть артикли, определенный артикль – самое частотное слово. Главным измерением картины мира в этих языках выступает, таким образом, различение

определенного и неопределенного. Можно предположить, что это различие служит главным измерением человеческого существования. В русском языке, однако, артиклей нет. И не случайно тем, кто мыслит и говорит на русском языке, присуща проблема размытости границ между тем, что ясно, достоверно и определено, и тем, что неясно, недостоверно и неопределенно. Многие изгибы и виражи нашей истории связаны с неразличением реальности и сказки, идеала, иллюзии, которые ощущались как более достоверные, чем реальность.

Третье упомянутое понятие — «indeterminacy», дословно — «непредопределенность» — связано с дихотомией фактичности и возможности, с проблемой детерминизма. Все в жизни предопределено — или предопределенность неполная. На заре человечества в основном исходили из того, что все в руках богов, все предначертано и все, что будет, уже заранее известно. Но уже даже в Древней Греции появились «герои». В основном, это отпрыски богов по боковой линии (то есть в них течет кровь олимпийских богов), они обладают свободой, и боги не предсказывают им путей; наоборот, герои могут проявить свой нрав по отношению даже к богам.

К XIX веку эстафету утверждать полную предсказуемость и предначертанность от религии приняли естественные науки, оперировавшие понятием материального единства мира, в котором все по определению детерминировано. Однако в науках о человеческом мозге и поведении в последнее время иллюзия тотальной определенности уступает место признанию принципиальной неопределенности и важности становления механизмов взаимодействия с ней [Glimcher, 2005]. Поведение и психические процессы человека не полностью подчиняются жестким причинно-следственным закономерностям. В них имеется не только необходимое, причинно-обусловленное, но еще и многое, что относится к категории возможного. Необходимое — это то, чего не может не быть, а возможное — это то, что может быть, а может и не быть. Возможность возникает в разрыве детерминации. *Понятие возможности связано с понятием неопределенности, неопределенность означает наличие альтернативных возможностей. И наоборот, возможность может появиться только там, где неполная определенность.* Мы говорим про возможность, когда что-то в будущем реализуется через наши собственные действия и другим способом реализоваться не может. Когда что-то случается либо не случается вне зависимости от наших собственных действий, мы говорим про вероятность (см. подробнее [Леонтьев, 2014]). Задача заключается в том, чтобы мы сами доопределили то, что недоопределено до конца. Самодетерминация заключается в том, что мы сами участвуем в этом процессе определения, детерминизма реального мира. М.К.Мамардашвили метафорически говорил, что мир еще не создан до конца к нашему появлению в нем, не все задано заранее, и каждый человек соучаствует в этом, досоздавая мир [Мамардашвили, 1997].

Современный французский политический философ Ален Бадью вводит очень важное понятие «готовность к событию» как особенность стратегии человека, который готов к ситуации неопределенности. ««Быть готовым к событию» — значит быть в субъективном расположении, позволяющем признать новую возможность. ...Готовить событие — значит быть расположенным его принять.... Быть готовым к событию — значит быть в таком состоянии духа, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями» [Бадью, 2013, с. 20–21]. Отсюда вытекает, что неопределенность, помимо неприятных эмоций, содержит в себе важный, позитивный потенциал для человека, который может, выработав в себе адекватную позицию по отношению к неопределенности, ощутить присущие ей позитивные возможности.

Готовность к событию представляет собой, по сути, готовность к неопределенности, или готовность к выбору (последний термин кажется нам наиболее точным) (см. [Леонтьев и др., 2011]). В.П.Зинченко [Зинченко, 2007, с. 22] называет готовностью к выбору нефиксированную установку, по Д.Н.Узнадзе, отмечая, что В.А.Лефевр считает такую готовность атрибутом всего живого. Еще раз уточним: речь идет о готовности к разным возможностям, готовности делать и реализовывать здесь и теперь выбор, не предопределенный заранее.

Большинство людей к неопределенности относятся скорее негативно. Клинический анализ проблемы субъективной неопределенности позволил описать пять типов ее переживания, из которых четыре носят негативный характер [Соколова, 2015, с. 45–46]. Первый тип — всепоглощающий негативный аффект, содержание которого составляет непереносимая тревога. Второй тип — тоже отрицательные эмоциональные состояния, но доминирует более легкая феноменология: двусмысленность, амбивалентность, многозначность, непредсказуемость, противоречивость, запутанность, сложность.

Третий тип характеризуется полной непереносимостью неопределенности как ситуации отсутствия доступа к внутренним ресурсам Я. Результат – крайняя зависимость от социального окружения, конформизм, отказ от собственной системы эталонов, подчинение авторитету, режиму, власти, нивелирование собственного Я. Четвертый тип – маниакальная проекция, опьянение, трансгрессия и хаос, отсутствие всех и всяческих границ, любых сдерживающих нормативов и правил по нарциссически-перфекционистскому типу. И последний тип – это переживания, окрашенные позитивным эмоциональным тоном: любопытство, поисковая надситуативная активность, игра фантазии, порождение новых смыслов, радость, азарт, связанные с удовольствием исследования, и инсайты, приводящие к творческому и осмысленному преобразованию ситуации неопределенности.

Е.Т.Соколова пишет, что «известная толерантность к неопределенности и переносимость амбивалентности могут свидетельствовать о достижении индивидуальной зрелости, константности и целостности Я, способного справляться с ... тревогами» [Соколова, 2015, с. 47]. «Лучшим способом преодоления неопределенности является признание ее существования» [Зинченко, 2007, с. 30].

Отношение к неопределенности как объект эмпирических исследований

В целом ряде исследований убедительно показано, что отношение к неопределенности очень важно для характеристики личности в целом. С.Мадди [Мадди, 2005] описывает готовность действовать в условиях неопределенности, готовность идти на риск без гарантий успеха как один из главных предикторов устойчивости к стрессам. С его точки зрения, перед каждым человеком в повседневных выборах встает «экзистенциальная дилемма»: выбирается либо неизменность, воспроизведение прошлого, статус-кво, чреватое чувством вины за упущенные возможности, либо неизвестность, новое будущее, несущее в себе риск и чреватое чувством тревоги непредсказуемого. Эти альтернативы не эквивалентны: выбор неизвестности расширяет возможности найти смысл, а выбор неизменности их ограничивает.

В специальном исследовании [Леонтьев, Мандрикова, 2005; Мандрикова, Леонтьев, 2005; Мандрикова, 2006] нам удалось продемонстрировать релевантность этой дилеммы обыденным ситуациям. На первом этапе исследования студентам, находящимся в общей аудитории, предлагалось перейти в одну из двух других аудиторий, причем то, чем предстоит заниматься в одной из них, сообщалось сразу (заполнение опросников – знакомое испытуемым занятие), а что будет в другой аудитории, было обещано рассказать уже там. На втором этапе участники, разойдясь по аудиториям, формулировали аргументацию своего выбора и заполняли батарею личностных опросников. На основании качественного анализа аргументации участники были гипотетически разделены нами на три группы. В группу *И* вошли те, кто сделал «истинный» выбор неизменности, выбор прошлого, в группу *С* – те, кто сделал ситуативный, «безличный» выбор, а в группу *Б* – те, кто сделал «истинный» выбор неизвестности, выбор будущего. По целому ряду личностных переменных: осмысленность жизни, оптимизм, жизнестойкость, каузальные ориентации и толерантность к неопределенности, — зафиксированы значимые различия между группой *Б* и двумя другими группами, между которыми, в свою очередь, значимых различий практически не было (см. подробнее [Леонтьев, Мандрикова, 2005]).

В исследовании на 40 участниках одной из всероссийских конференций по экзистенциальной психологии [Леонтьев, Осин, 2007] была сделана попытка выяснить, отличаются ли чем-то экзистенциальные психологи от обычных людей, в том числе психологов других ориентаций. Практически единственной переменной (из большого их числа), по которой было зафиксировано резкое отличие экзистенциальных психологов от других выборок, оказалась значимо более высокая толерантность к неопределенности.

Индивидуальные различия самоопределения в ситуации неопределенности исследовались в эксперименте левиновского типа [Леонтьев, Смирнов, 2010]. Людей, пришедших на эксперимент, просили подождать в небольшой комнатке, которая была заставлена разными вещами: стояла задача посмотреть, как по-разному могут вести себя люди в ситуации такого неструктурированного ожидания. Обнаружилось несколько различных типов поведения, которые были связаны с личностными характеристиками. Одним из продуктивных типов, который был положительно связан с осмысленностью жизни и с отношением к будущему, было ориентировочно-исследовательское

поведение: человек игнорировал телевизор и начинал просто изучать среду. Еще одним из продвинутых типов было полнезависимое поведение: человек вообще ни на что не обращал внимания, доставал свои вещи и начинал заниматься своими делами. Большинство, однако, оказывались в зависимости от включенного телевизора. У тех, кто его механически смотрел, нередко весь период ожидания, была низкая осмысленность жизни, ориентация на состояние при саморегуляции, высокая степень отчуждения по типу бессилия. Эти результаты говорят о том, что ситуация неопределенности представляет собой вызов, на который разные люди реагируют по-разному, проявляя в самом способе реагирования особенности своей личности. Они также свидетельствуют в пользу предположения, что главным «инструментом» преодоления неопределенности является смысл [Зинченко, 2007, с. 26–27].

Заключение

Завершая приведенный анализ, мы приходим к выводу о том, что *позитивное отношение к неопределенности возможно, и именно оно оказывается наиболее продуктивным для личностного развития и сопротивляемости стрессам*. Суть такого отношения в том, чтобы отказаться от детской иллюзии стабильности и однозначности картины мира и вырабатывать более взрослую позицию принятия неопределенности, другой стороной которой выступает обнаружение новых возможностей. Рост толерантности к неопределенности оказался одним из наиболее универсальных следствий работы в экзистенциальных жизнетворческих мастерских, проводившихся автором данной статьи [Леонтьев, Миюзова, 2013]. В результате изменения отношения к неопределенности она перестает быть каким-то жупелом, чем-то, чего надо бояться и от чего надо бежать, а начинает приносить людям удовольствие, они становятся способны испытывать от этого положительные эмоции. По сути дела, отношение к неопределенности – такое же, как и к любой другой стихии. Для человека, который плохо плавает, большая вода – ужас, что-то страшное, смертельное. А для человека, который хорошо плавает, это сплошное удовольствие. То же самое обнаруживается и с отношением к высоте: когда М. Чиксентмихайи [Чиксентмихайи, 2011] проводил свои исследования феномена потока на скалолазах, его испытуемые говорили, что на скале все просто, все понятно, все предсказуемо, все зависит от тебя. Никакого страха, ты просто понимаешь, что и как ты должен делать. Переходить улицу на Манхэттене в час пик гораздо опаснее, чем на скале, потому что там могут быть всякие неожиданности.

Неопределенность – это свойство жизни, хотя большинство людей испытывают по отношению к ней широкий спектр отрицательных эмоций – от дискомфорта до паники – и стараются ее в своей жизни минимизировать. Это нормально, это правильно, потому что любая деятельность связана с ограничением неопределенности; любая цель, любой выбор – это превращение неопределенности в частичную определенность. Однако жизнь сама постоянно порождает неопределенность (энтропию). Энтропия – это свойство всего сущего, рост неопределенности, хаоса, а свойство живого – это, наоборот, преобразование энтропии во что-то более упорядоченное, структурированное, т.е. обратный процесс. Принцип жизни самодетерминируемых субъектов – вырабатывать из этой неопределенности частичную определенность, превращать энтропию в негэнтропию, понимая при этом, что неопределенности все равно будет оставаться много.

Неопределенность и определенность не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, как Инь и Ян. Если мы хотим иметь контакт с реальностью и понимать, что происходит на самом деле, мы должны принимать неопределенность там, где она есть. Такова диалектика нашей жизни, и в ней содержится немалый потенциал для того, чтобы от этого процесса получать удовольствие.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 14-18-03401.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.

Асмолов А.Г. Оптика просвещения. М.: Просвещение, 2012.

Бадью А. Философия и событие. М.: ИОИ, 2013.

Вульф К. Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни. В кн.: К. Вульф, В. Савчук (Ред.), Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика. СПб.: РХГА, 2013. С. 5–6.

Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 300–329.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? В кн.: А.К. Болотова (Ред.), Человек в ситуации неопределенности. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы. Психологические исследования, 2010, 3(11), 11. <http://psystudy.ru>

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Кувакин В.А., Ковалева В.П. Неизвестность. М.: Регулярная и хаотическая динамик, 2006.

Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться. Московский психотерапевтический журнал, 2003, No. 2, 107–119.

Леонтьев Д.А. Восхождение к экзистенциальному миропониманию. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. М.: Смысл, 2007. С. 3–12.

Леонтьев Д.А. Личностное измерение человеческого развития. Вопросы психологии, 2013, No. 3, 67–80.

Леонтьев Д.А. Конец имманентности и перспектива возможного. В кн.: Г.Л. Белкина (Ред.), Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: Ленанд, 2014. С. 174–185.

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора. Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология, 2005, No. 4, 37–42.

Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 511–546.

Леонтьев Д.А., Миюзова А.Е. Методический подход к фиксации изменений личности в результате экзистенциальной работы. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Пятая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. Москва, 6–8 мая 2013 г. Материалы сообщений. М.: Смысл, 2013. С. 138–141.

Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Печать экзистенциализма: эмпирические корреляты экзистенциального мировоззрения. Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия, 2007, 1(10), 121–130.

Леонтьев Д.А., Смирнов А.Г. Смысл и отчуждение как предикторы поведения в неструктурированной ситуации. В кн.: В.А. Барабанщиков (Ред.), Экспериментальная психология в России: традиции и

перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 680–685.

Лобок А.М. Вероятностный мир. Екатеринбург: АМБ, 2001.

Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения. Психологический журнал, 2005, 26(6), 87–101.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: РХГИ, 1997.

Мандрикова Е.Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 2006.

Мандрикова Е.Ю., Леонтьев Д.А. Смысловые основания выбора и их альтернативы: фактичность прошлого или возможность будущего. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. С. 151–157.

Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001.

Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна. Психологическая диагностика, 2010, No. 2, 65–86.

Осипов И.Д. Неопределенность как онтологическая проблема российской цивилизации. В кн.: К. Вульф, В. Савчук (Ред.), Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика. СПб.: РХГА, 2013. С. 33–41.

Пригожин И. Философия нестабильности. Вопросы философии, 1991, No. 6, 46–52.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.

Тaleb Н.Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012.

Тaleb Н.Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. М.: Колибри, 2014.

Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.

Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека». Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990, с. 146–168.

Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл, 2011.

Эпштейн М.Н. Знак_пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: НЛЮ, 2004.

Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005.

Csikszentmihalyi M. Introduction. In: M.Csikszentmihalyi, I.S.Csikszentmihalyi (Eds.), A Life Worth Living: Contributions to Positive Psychology. New York, NY: Oxford University Press, 2006. pp. 3–14.

Giorgi A. Whither Humanistic Psychology? The Humanistic Psychologist, 1992, 20(2–3), 422–438.

Glimcher P.W. Indeterminacy in brain and behavior. Annual Review of Psychology, 2005, 56(1), 25–56.

Grenier S., Barrette A.M., Ladouceur R. Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 2005, 39(3), 593–600.

Proulx T., Heine S.J., Vohs K.D. When is the unfamiliar the uncanny? Measuring affirmation after exposure to absurdist literature, humor and art. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010, 36(6), 817–829.

Поступила в редакцию 21 декабря 2014 г. Дата публикации: 24 апреля 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Леонтьев Дмитрий Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия; заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), ул. Мясницкая, д. 20, 101000 Москва, Россия.
E-mail: dleon@smysl.ru.

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности. *Психологические исследования*, 2015, 8(40), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 40. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html>

[К началу страницы >>](#)